

The background of the cover is a dark, atmospheric painting. In the foreground, a small, crowded boat is tossed on a turbulent sea of dark blue and black waves. In the upper portion, a large, dark, and somewhat ethereal figure, possibly a demon or a spectral entity, looms against a dark, stormy sky. The overall mood is one of danger and the supernatural.

Веста Сур

Милосердный демон

16+

Веста Сур
Милосердный демон

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сур В.

Милосердный демон / В. Сур — «ЛитРес: Самиздат», 2019

На широких дорогах Кама и кривых улочках намирских городов, в лесах Просторов и торговых лавках Гасура, посреди выжженных солнцем тамганских плато и пышных садов Идиля немало диковинных созданий. Одни брюзгливые и неприветливые, другие за словом в карман не полезут, есть и такие, что обжулят при удобном случае, а иные приютят, обогреют и гроша не попросят. Но берегись, неопытный путник! Не спеши полагаться на обещания первого встречного. Особенно будь осторожен с теми, кто полон добрых намерений. Может статься, под личиной благодетеля скрывается демон, а у демонов свои понятия о милосердии.

© Сур В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Незнакомец	5
Львица и воробей.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Незнакомец

Цок-цок-цок – мерно стучали каблучки по брусчатке Гужевого спуска, единственной мощёной улицы в Портовом предместье. На высокую изящную фигуру в эльфийском плаще с опущенным на лицо капюшоном сверху равнодушно взирали мириады огненных глаз ночного Зуф-мэ-толла. Там, на холме, – надёжные крепостные стены и городская стража. Спокойствие, безмятежность, уют – всё там. Здесь же тьма и её подопечные: воры, душегубы, контрабандисты. В обманчиво тихих закоулках одинокого путника непременно подстерегает нож или топор.

Колокол на башне Храма Всех Богов ударил одиннадцать раз. Едва лишь отзвенел последний удар, существо в плаще остановилось напротив каменного строения в два этажа с замшелыми щербатыми стенами и крошечными зарешёнными окошками. Над главным входом красовалась вычурная деревянная вывеска. Нагромождение завитушек, спиралей, волн и прочих деталей фантазийного узора не оставляло шансов разобрать название заведения даже при свете дня, не то что ночью, однако существо точно знало, куда ему нужно, поэтому без колебаний приблизилось к дубовой двери с местами заржавленным стальным кольцом. Раздался стук. Дверь немедленно распахнулась, и чьи-то влажные руки бесцеремонно втащили гостя внутрь. В сенях стало ясно, что обладатель потных конечностей – тучный молодой намирец в засаленных бриджах дешёвого сукна, матросской рубахе и стоптанных чёботах. Глянцевитое и румяное, точно спелый гранат, лицо тотчас осветилось широченной улыбкой.

– Меня ожидают, – промолвил посетитель низким, грудным, но, несомненно, женским голосом.

– В п'гиватном кабинете, – тут же поспешно добавила дама из опасения, что слуга неверно истолкует цель её визита.

Толстяк, если и заметил странный акцент гостыи, не подал виду.

– Знаем, знаем, – гнусаво промурлыкал он, – прошу за мной.

Гостыя переступила порог таверны – будто на скотный двор попала. Всего здесь было в избытке: посетителей, их разноголосого гомона, запахов, от вполне переносимого аромата слегка пережаренного мяса до вони кислющей виноградной браги, нагло именуемой хозяином заведения вином, и уж совсем неприличного амбрэ немытых матросских тел. Вдобавок по залу в густой дымовой завесе, порождённой развешенными по стенам факелами, то и дело шныряли юркие, как белки, служаночки, что до предела усугубляло царивший вокруг хаос. Каким же облегчением было вырваться из этого бедлама и погрузиться в упорядоченный мир безлюдного сумрачного коридора!

Поворот, ещё один, и наконец остановка. Красивая резная дверь, а за ней, судя по всему, – приватный кабинет. Фигура в плаще до дрожи напряглась в предвкушении встречи.

Лицо слуги искривила усмешка.

– Пра-а-шу, – нарочито развязно протянул он, широко распахнув дверь.

– Благода'гю, – холодно кивнула гостыя и торопливо, словно боясь в последний момент передумать, скользнула внутрь.

Комната оказалась довольно тесной, около пяти шагов в длину и столько же в ширину. Большую часть пространства занимал стол, да не абы какой, а из полированного галатского эбена с инкрустацией слоновой костью в виде листовенного орнамента. Ножки обильно покрывала позолота. Стул с высокой спинкой был под стать столу, хоть и не так богато украшен. Картину роскоши, настолько неуместной в подобном заведении, насколько павлин неуместен в курятнике, довершали шёлковые камские шпалеры на стенах. Однако посетительницу совершенно не смутило, что интерьер приватного кабинета по самым скромным прикидкам стоил втрое дороже таверны. Более того, она вряд ли вообще озаботилась разглядыванием обста-

новки: всё её внимание было приковано к тому, кто по-хозяйски расположился среди описанного великолепия.

Господин этот выглядел как типичный камский негодьянт среднего возраста. Атласный кафтан, лукавая улыбка в густой курчавой бороде, пытливые глаза – подобных персон пруд пруди в любом крупном порту Намира или Галатии. И всё же чувствовалось в нём какое-то «но», нечто поперечное демонстрируемому образу. Казалось, ещё чуть-чуть, и воздух в помещении начнёт потрескивать от присутствия невидимой, однако вполне явственной силы.

По единому жесту господина слуга зайцем кинулся в коридор. Не прошло и минуты, как он вернулся с изящным лакированным стульчиком в одной руке и бутылку из тёмного стекла – в другой.

– Присаживайся, милая, – мягким баритоном произнёс «негодьянт», – плащ повесь на спинку.

И хотя по интонации это было не повеление, а скорее просьба, гостя физически ощутила невозможность сопротивления.

Пока дама разоблачалась, слуга плеснул из бутылки в пиалу господина бурой жидкости с пряным запахом. Тот немного отхлебнул и зажмурился от удовольствия. Пользуясь моментом, толстяк принялся беззастенчиво разглядывать гостью. И надо признаться, здесь было на что поглазеть. Женщина явно принадлежала к народу Унат, о чём свидетельствовали заострённые кончики ушей, крупные глаза янтарного цвета, чётко очерченные высокие скулы, длинный прямой нос и тонкие губы. Кроме того, посетительница носила традиционный для этого племени наряд: шёлковую тунику до колен и короткие сафьяновые сапожки. А вот цвет её кожи смог бы определить только ясновидец, поскольку все открытые участки тела, включая лицо и гладко выбритый череп, покрывала замысловатая вязь татуировок. В полумраке приватного кабинета тонкая золотая цепочка, соединявшая кольцо в левой ноздре с кольцом в мочке левого уха, казалась лишь частью многоцветного узора.

Удовлетворив любопытство, слуга осклабился. И действительно, на миниатюрном стульчике рослая, статная Унат смотрелась как галера в луже. В ответ гостя одарила наглеца взглядом, способным раздробить камень.

«Негодьянт» терпеть не мог молчаливых игр в своём присутствии, и потому отреагировал мгновенно:

– Замбук, ты оскорбил нашу гостью. Обычай требует принести извинения и удалиться.

При звуке имени того, кого она ошибочно приняла за мелкую сошку, Унат зазнобило. А от мысли, кем на самом деле является господин, которому прислуживает Демон Правой Руки, сердце рухнуло в бездну ужаса. Однако отступить было поздно. Да и смысла не имело. В конце концов она сама с упорством одержимого искала этой встречи, пусть и по-настоящему не осознавая, с какой силой придётся столкнуться.

Замбук рассыпался в извинениях, но его глумливый вид прямо противоречил произносимым словам. Унат слушала рассеянно, изредка кивала.

Когда наконец за непочтительным демоном захлопнулась дверь, слух госты вновь обласкал бархатный голос господина:

– Ты уж прости его, милая. Дурной характер. Даже мне порой хамит. Забудем о нём. Пришла пора заняться твоим делом, Бэфэ Литни Симум. Отвечай кратко и ясно, какова цель твоего визита: власть или месть?

После недавнего потрясения от раскрытия истинной сущности тех, кто впервые за всё время предложил ей реальную помощь, Унат напрочь утратила способность удивляться. Да, Верховному Демону известно её настоящее имя, то имя, что погребли под собой ненависть и отчаяние точно так же, как рухнувшие стены Ратуши – тела заживо сгоревших родных. Но на то он и Верховный Демон, чтобы обладать знаниями, скрытыми от других.

– Месть, мой господин, – без колебаний выдала Бэфэ.

– Ну разумеется, – слегка улыбнулся «негоциант».

Унат раскрыла было рот, собираясь сообщить подробности трагедии, но Верховный Демон жестом остановил гостью.

– Мне ведома твоя история, милая. Гасур. Война за Дельту. Вероломное нападение намирских войск на Высеград. Погибли муж и трое детей.

– Звёгски убиты, мой господин, – уточнила Бэфэ с блестящими от ярости глазами.

– Твоя правда, милая, – согласился Верховный Демон и тут же добавил:

– Опустим подробности. Сейчас нужно обсудить иное. Я, со своей стороны, гарантирую, что виновные понесут наказание, и ты лично сможешь в этом убедиться. Вопрос вот в чём: знаешь ли ты, какова цена?

– Знаю, мой господин.

– Готова ли ты заплатить эту цену прямо сейчас?

Внутри Бэфэ всё сжалось. «Нет!» – возопил голос разума. И тотчас умолк под гнётом лютой ненависти.

– Готова, – произнесли бескровные губы.

– Хорошо, – кивнул «негоциант» и щёлкнул пальцами.

За спиной Унат немедленно материализовалась фигура насмешника.

– Замбук, сообщи нашей гостье то, что ей следует знать, – попросил господин.

Ухмылка Демона Правой Руки стала ещё гнуснее, чем раньше. Бочкообразное туловище склонилось, и толстяк прошептал что-то на ухо Унат. Бэфэ вздрогнула. Расширенные от испуга глаза уставились на «негоцианта».

– Так ско'го, мой господин?

* * *

В пламени двух восковых свечей, укоренённых в громоздком бронзовом канделябре, просторная комната с аскетичной обстановкой выглядела завлекательно таинственной. Особенно простор для воображения открывали сгустки тьмы по углам и причудливые очертания теней на пористых стенах из ракушечника. Главную же загадку и, соответственно, главный интерес представлял хозяин, точнее наниматель помещения. Нестарый ещё человек, однако с обильной проседью в длинных, затянутых в узел на макушке, волосах, куцых усах и короткой бороде. Глубокомысленный взгляд раскосых намирских глаз. Одна рука неподвижна, жёстко зафиксирована на рукояти упёртого кончиком в пол короткого меча, другая – лёгкая, порхающая с зажатым в ней оселком. Филигранно точные, слаженные движения вкупе с полной сосредоточенностью напоминали священнодействие. Какой смертный дерзнул бы прервать этот обряд?

Тот, кто, подобно взломщику, бесшумно просочился в комнату вместе с ночным сквозняком, смертным не был.

От сильного порыва ветра огненные навершия свечей затрепетали. Намирец отложил оселок, обтёр клинок тряпицей. Меч с лязгом вошёл в ножны.

– Харай но-Тэн, – провозгласил незнакомец вместо приветствия.

– Я ждал тебя, – не изменяя позы, откликнулся седовласый.

По бесцветному лицу незнакомца пробежала рябь недоверия.

– Знал, что я приду?

– Рано или поздно.

Харай поднял голову, и его взору наконец предстал незванный гость.

Маскировка под человека удалась на славу. Любой обыватель признал бы в этом невысокотом бледнолицем господине в тёмно-оливковой мантии и островерхой шляпе почтенного труженика Палаты налоговых сборов и пошлин. А незапоминающаяся внешность без особых примет, за исключением одеяния, лишь способствовала подкреплению подобного мнения. Вот только Харай но-Тэн не относился к обывателям. Он был опытным воином, особо отличившимся в кровопролитной войне с Камом за южные колонии, за что получил звание тысяцкого.

- Как ты узнал меня? – поинтересовался визитёр.
- По запаху, – усмехнулся Харай.
- То есть? – удивился давно мнивший себя неспособным к удивлению гость.
- Человек всегда чем-нибудь да пахнет, – объяснил седовласый воин. – От налоговиков, к примеру, за версту прёт квашеной капустой и медью.
- Чем же «прёт» от меня?
- Ничем.
- Выходит, демоны не имеют запаха?
- Выходит, так.
- Любопытно.
- Харай медленно поднялся с низкой лежанки. Меч в ножнах остался на постели.
- Ты ведь пришёл судить меня, Серый странник? Ну так суди.
- Серый странник, Демон мести, Бич Гвирона, Незнакомец, Гонец смерти, Призрачный гость, Человек-из-Бездны... У меня много имён, – визитёр обвёл рукой комнату. – Все стены и потолок можно исписать, и то места не хватит. Но «судьи» среди них нет.
- Понимаю. Приговор уже вынесен. Тогда казни, коли такова твоя обязанность.
- И снова мимо, воин. Я не палач.
- Кто же?
- Посредник. Между тобой и заказчиком, – предупредил следующий вопрос визитёр. – И прежде всего предлагаю тебе покаяться.
- Нет, – жёстко отрезал Харай.
- Заказчик незримо присутствует здесь со мной, – продолжил Серый странник, не обращая внимания на отказ. – Если вспомнишь, кому ты нанёс обиду, достойную кровной мести, ибо иные случаи мы не рассматриваем, можешь попросить прощения. Искреннее раскаяние зачастую приводит к положительному исходу. Вплоть до полного примирения сторон. На моей памяти...
- Я сказал нет, – бесцеремонно перебил демона тысяцкий.
- Напрасно, – с сожалением произнёс визитёр.
- Я воин, убивать – моя профессия! – неожиданно взорвался доселе спокойный Харай. – В чём же мне каяться? В том, что я хорошо делал своё дело?
- Вот куда ты клонишь, – подбоченился посредник. – Считаешь себя невиновным, потому что всю жизнь выполнял чужие приказы?
- Я воин, – с нажимом повторил Харай, – я выполнял свой долг.
- Кому ж ты так задолжал? – съязвил демон.
- Интересы государства... – начал было седовласый воин.
- Очень удобное понятие, – прервал его визитёр, – чтобы скрыть от непосвящённых интересы весьма ограниченного круга лиц. И потом, на своём веку я повидал достаточно великих государств. Видел их расцвет и увядание. Видел, как мощнейшие колоссы обращаются в руины, а их интересы рассыпаются во прах под пятой новых «властителей мира». Но довольно! Иначе наша беседа рискует вылиться в спор золотаря и звездочёта.
- Итак, – промолвил Серый странник после короткой паузы, – я предложил тебе покаяться, а ты отказался, ибо не чувствуешь за собой вины. Правильно я тебя понял?
- Правильно, – кивнул Харай.
- Хорошо.
- Демон по намирскому обычаю хлопнул в ладоши в знак необратимости принятого решения.
- В таком случае пора обратиться к истинному судье.
- Рука посредника скользнула под мантию, в притороченную к поясу юфтевую коробочку. К потолку взлетела пригоршня серебристой пыли, но вопреки естественному поведе-

нию подобных субстанций не опустилась тонким слоем на пол и близлежащие предметы, а зависла в воздухе, сверкая и переливаясь, точно россыпь алмазов. Блестящие частички сами собой сложились в плоское прямоугольное зеркало размером с щит намирского пехотинца. И, странное дело, идеально ровная гладь не отражала ровным счётом ничего, кроме обвиняемого.

Харай непроизвольно потеревил мочку уха. Зеркальный двойник остался недвижим.

– Это... – прохрипел воин.

– Судья, – подсказал посредник, переместившийся за спину обвиняемого. – Твоя совесть.

Двойник церемонно поклонился.

– Господин судья, – официальным тоном проговорил визитёр, – прошу вас предъявить обвинение.

Ещё поклон, и поднявшаяся рябь стёрла фигуру судьи. Вместо него в зеркале возник новый двойник Харая – лет на десять моложе оригинала.

Могучий тысяцкий в серой от пота и пыли тунике и запачканной кровью кирасе о чём-то спорил с другим командиром того же ранга. В следующее мгновение в комнату, где они находились, на всех парах влетел взмыленный сотник.

– Готово, господин но-Тэн, – доложил он. – Тоннель у развилки завалили так, что мышь не проскочит.

– Отлично, – улыбнулся тысяцкий. – Поджигайте.

– Харай, – окликнул его сотоварищ, – может всё-таки дождёмся сперва темника?

– Чтобы провалить план? Забыл о двух десятках лучников на башне? Представь, что будет, когда они заметят Келлу с его армией.

– Известно, что будет. Ринутся к подземному ходу, а он завален. Поймут, что оказались в ловушке.

– Вот! – поднял указательный палец Харай. – А что делают люди в безвыходном положении?

Опасливый тысяцкий пожал плечами.

– Глупости, Валеждан, глупости. Либо на прорыв пойдут...

– Кто пойдёт? Там одни старики да дети.

– И лучники, среди которых больше половины – Унат. Будь в Ратуше только люди, я бы так не спешил.

– Ну да, эти чокнутые Унат могут что угодно вытворить.

– Вот именно. Я их повадки знаю ещё со времён колониальных войн. Если совсем туго придётся, перережут старым да малым глотки, а после сами на мечи бросятся. В общем, при любом исходе станут в глазах соотечественников героями. Мол, погибли, но не сдались супостату. А нам это надо? Нам жертвы нужны, тихие безропотные жертвы. Улавливаешь разницу?

– Да я-то понимаю – поймёт ли темник? Господин Келла не любит самоуправства.

– Ничего, с ним я как-нибудь улажу. В конце концов, повеление Суверена о деморализации противника любыми средствами пока ещё в силе.

– Залимат, – развернулся Харай к сотнику, – очевидцев отобрали?

– Да, господин но-Тэн. Трое женщин: две гасурянки и одна Унат. Остальных, как вы приказали, расстреляли из арбалетов.

– Катапульти?

– Обе на месте.

– Поджигайте.

– Будет исполнено, командир.

– И ещё: торгоша, того, что подземный ход показал, пустите в расход. Не люблю предателей.

– Как прикажете, господин но-Тэн.

Едва сотник с поклоном покинул помещение, Валейдан накинулся на Харая с расспросами:

- Катапульты-то зачем? Отвлечь внимание?
- Не совсем, – хитро сощурился Харай.

Крышка стоявшего на полу сундука со скрипом откинулась, и опешивший тысяцкий во все глаза уставился на ровный ряд блестящих чёрных шаров, каждый из которых был с голову новорождённого ребёнка. И лишь когда один из шаров очутился в крепкой руке Харая, Валейдан разглядел узкое горлышко, заткнутое прозрачной пробкой.

- Тончайшее стекло, – с нотками хвастовства в голосе заявил Харай.
- Хрупкая, должно быть, вещица, – предположил его сотоварищ.
- Единственный недостаток. Всё войлоком обложили, и то без одного дюжина треснула.

Но большинство в целости и сохранности. Как раз для такого дела берёг.

- Что внутри?

Вместо ответа Харай размахнулся и швырнул шарообразный сосуд в стену. Стекло со звоном разлетелось на мелкие кусочки. По тёмным от времени доскам поползла чёрная маслянистая жидкость.

– Кровь саламандры! – догадался Валейдан. – Теперь понимаю. Достаточно забросать Ратушу такими шариками и вдогонку послать стрелы с подожжённой паклей. Вспыхнет, как сосняк в засуху. Они и чихнуть не успеют, как в головёшки обратятся. Но позволь полюбопытствовать, кто же сотворил это чудо?

- Один знакомец сварганил.
- Должно быть, не человек?
- Ничего от тебя не скроешь! Полугном.
- А нельзя ли и мне свести с ним знакомство?
- Знакомство не обещаю, а вот уступить пару ящиков по сходной цене...

Харай не договорил, поскольку в помещение вновь ворвался Залимат.

– Всё выполнили, командир, – сотник сиял, точно девица в кругу ухажёров. – Полыхает так, что демонам в Бездне жарко. Кое-кто из гасурцев в окна сигал, ну так мы их из арбалетов пощёлкали.

- Правильно сделали, – одобрил Харай.

– Валейдан, – обратился но-Тэн к сотоварищу, – не желаешь прогуляться? Обсудим условия сделки и заодно насладимся зрелищем.

Тот кивнул. Оба тысяцких накинули плащи и вышли из комнаты в сопровождении сотника. Уже на улице Харай вспомнил о другом своём поручении.

- Залимат, – обернулся он к шагавшему позади сотнику, – а что с тем торгашом?
- Так это... – замялся тот, – не прогневайтесь, господин но-Тэн, утёк он.

Вся компания резко остановилась. Глаза Харая налились грозовой силой.

- То есть как утёк? Я же приказал посадить под замок и охрану приставить.

– Сделали, всё сделали, господин но-Тэн, – принялся оправдываться Залимат. – Да только он, шельма, как сквозь землю провалился! Сами понять не можем.

– Значит так, – твёрдо проговорил Харай, – отправить четвёрку Фиоки на поиски. И чтоб достали мне его из-под этой самой земли, куда он провалился. Живо!

– Будет исполнено, господин но-Тэн, – пролепетал сотник и во все лопатки двинул вниз по переулку.

На бледном от гнева лице Харая шевелились отражённые сполохи пожара. И только теперь до его ушей долетели отчаянные вопли обречённых.

Картинка в зеркале помутилась. От дуновения потустороннего, неощутимого ветра вновь побежала рябь, а когда улеглась, на поверхность выплыл первоначальный двойник.

– Благодарю вас, господин судья, – подал голос посредник, – за подробное представление дела. Каково ваше решение?

– Виновен, – провозгласил судья.

– Наказание?

– Смерть от меча.

Харай покосился на оружие. Губы воина изобразили улыбку, больше похожую на оскал.

– Думал – для врага заточиваю, а получается, для себя.

Тем временем зеркало замерцало и вскоре совсем погасло. В воздухе остался лишь светящийся силуэт двойника. Впрочем, он сразу же потускнел, расплылся и без остатка всосался в солнечное сплетение оригинала. Глаза Харае тотчас заволочла жемчужно-серая пелена, отчего он приобрёл вид сомнамбулы. Повинуясь внутреннему приказу совести, приказу, которого был бы не в силах ослушаться даже Суверен, воин вытянул меч из ножен. Острый клинок без труда рассёк кожу живота, пропорол мышцы, внутренности и на вершок вышел из спины. В этот момент к Харае вернулось нормальное восприятие действительности. Воин попытался сдерживать стон, однако тот всё же прорвался, и ночная тишина отступила под его мощным натиском. Ещё недавно полное жизненных сил тело рухнуло на каменный пол.

* * *

К таверне «Глупышка Зарико», как всегда в этот час, дружно слетались галдящие стаи посетителей. Несмотря на фривольное название, данное заведение считалось чуть ли не самым respectable в Портовом предместье. Главным преимуществом таверны являлось её удобное расположение вблизи Гужевых ворот Зуф-мэ-толла, отчего по вечерам здесь частенько собиралась весьма почтенная публика вроде чиновников, негоциантов и даже гвардейцев. Хозяин, следует отдать ему должное, оказался сметливым малым: «Глупышка» по ценам незначительно опережала иные подобные заведения Портового предместья, что лишь подчёркивало её особый статус, и одновременно выгодно отличалась в этом плане от городских конкурентов. Изысканных блюд тут не предлагали, зато строго следили за качеством приготовления пищи и обслуживания. В результате от клиентов отбоя не было.

Тем вечером внимание большинства завсегдатаев приковало к себе новое приобретение хозяина: стол для игры в кости. Помимо дюжины игроков, в основном гвардейцев, над лакированной столешницей с вырезанной на ней сеткой игрового поля склонилось ещё десятка два наблюдателей, которых то и дело дёргали за рукава иные любопытствующие, желавшие скорее взглянуть на необычную новинку. Игроки в азарте, игнорируя толчею и гвалт вокруг, пристально следили за перемещением козунков по пронумерованным клеткам после каждого броска.

Капитанов аз-Лефа, аз-Марика и но-Римале следовало отнести скорее к расчётливым, бережливым людям, нежели к рискованным, а потому при входе в таверну они не сговариваясь выбрали еле приметный столик в закутке под антресолю, подальше от шумного сборища, и сразу же потащили туда своего спутника, господина хин-Габу. Этот господин, совсем ещё юный по сравнению со зрелыми приятелями, служил секретарём в администрации порта, где имел репутацию в целом положительного, но увлекающегося человека.

– Эй, красotka! Два кувшина вина, четырёх цыплят и козьего сыра, – немедленно последовал заказ.

Хин-Габа тотчас утратил едва вспыхнувший интерес к игре и благодушно улыбнулся приятелям. Ничто на свете не радовало юношу так, как дармовая выпивка. Уже через полчаса он с заговорщическим видом, с ужимками и подмигиваниями, выдал капитанам нужную информацию, ради которой его, собственно, сюда и притащили. Вести оказались добрыми: разрешения на выход из гавани подписаны и завтра с утра будут переданы владельцам кораблей. Аз-Леф и аз-Марик удовлетворённо кивнули, а но-Римале на радостях даже похлопал секретаря

по спине, ведь ему дольше всех пришлось стоять на рейде с полными трюмами в ожидании проклятой бумажки.

На этом, однако, беседа не закончилась, потому как до полуночи, когда закрывались ворота Зуф-мэ-толла, оставалась ещё прорва времени, к тому же хин-Габа вовсе не страшился опоздать к урочному часу, поскольку имел личное знакомство со многими, если не со всеми, легкомысленными девицами Портового предместья и нередко ночевал в их уютных гнёздышках. К счастью, на сей раз любвеобильный юноша опустил подробности своих последних походов и вскоре перешёл к мистической истории, случившейся с ним не далее как позапрошлой ночью.

– Брехня, – махнул рукой захмелевший аз-Марик.

Так суровый морской волк охарактеризовал поведанный таинственным шёпотом зачин, за что немедленно получил болезненный тычок от аз-Лефа, мол-де, заткни глотку, дурень, пусть себе парень болтает, он нам не единожды хорошую службу сослужил и ещё сослужит.

– И кем же оказался тот странный господин? – вмешался в разговор но-Рималь с целью спасти ситуацию.

– Об этом речь впереди, – всё также шёпотом сообщил хин-Габа, – сейчас хочу раскрыть одну важную деталь: когда он мимо меня прошёл, не прошёл даже, а проплыл, не касаясь ногами земли, и шагов я не услышал...

Аз-Марик издал смешок, мгновенно превратившийся в кашель от дружеского удара по рёбрам. Одарив капитана-скептика сердитым взглядом, юноша продолжил:

– Так вот, как только он проплыл мимо, меня окатило таким холодом, словно я в озеро Ле-гао нырнул. Вмиг протрезвел. И всю оставшуюся дорогу до дома чаровницы Нион меня как в лихорадке колотило. Только в ванне у неё отогрелся. И пока я отмокал, Нион мне сказала, что повстречал я демона, Серого странника, и что должен теперь возблагодарить богиню Судьбы за то, что явился он не по мою душу.

– Говорят, будто демоны после смерти души грешников забирают, – проскрипел аз-Марик, – пошто ж ему к тебя являться, коли ты в добром здравии?

– То обычные, низшие, – объяснил хин-Габа, – а это Серый странник. Неужели не слышали о нём?

– Слышал я, – подал голос аз-Леф, – да только люди разное болтают – поди во всём разберись!

– Нион врать не станет, и потом, у неё тётка ворожить умеет. Утверждает даже, что в колене состоит. И Нион хотела к этому делу привлечь, но у той способности по другой части... Гм... Так вот, тётка когда-то ей рассказывала, что любой, кому нанесена тяжкая обида, может обратиться с просьбой о свершении мести к самому Верховному Демону. Для этого требуется отыскать старую, матёрую ведьму, коей по силам свести просителя с Айбуком. Тот рассматривает дело и в случае положительного решения отправляет к обидчику Серого странника. И всё, вместо обидчика – хладный труп.

– Вот так вот просто? – изумился но-Рималь. – Просишь демона, и он за здорово живёшь всю грязную работёнку за тебя выполняет, а ты чист, как жрица Непорочной Мелиото?

– Не совсем, – хитро улыбнулся хин-Габа. – Айбук с просителя плату взимает.

– Ну и демоны пошли нынче, – пробухтел аз-Марик. – Вроде как тела человеческого не имеют, а сами, что твой брат, до золота охочи.

– Нет-нет, вы превратно истолковали мои слова, – возразил хин-Габа. – О золоте речь не идёт, тут другое...

Впечатлительный юноша потянулся к середине стола и жестом поманил приятелей приблизиться к своей раскрасневшейся от вина и волнения физиономии. В уши капитанов полился щекочущий шёпот:

– Просителю сообщают точную дату его смерти – вот какова плата.

– И всего-то? – хохотнул аз-Марик, усаживаясь на место. – Невелика цена!

– Как сказать! – не согласился хин-Габа. – Лично я бы предпочёл, чтобы меня объявили преступником и приговорили к смертной казни. По крайней мере, не так долго мучиться в ожидании неминуемой развязки.

– Твоя правда, Михвет, – поддержал его аз-Леф, одновременно впившись железной хваткой в плечо раззявившего рот аз-Марика.

Но-Рималь переглянулся с укротителем пьяного спорщика, после чего обратился к юноше:

– А мне вот интересно, как выглядит этот демон, а то, неровен час, столкнёшься ночной порой с каким господином на узкой дорожке и не будешь знать, то ли кланяться ему, то ли улепётывать.

Хин-Габа печально вздохнул.

– Описать его нетрудно, да бесполезно. Он каждый раз, как появляется, новый облик принимает. Оттого гасурцы прозвали его Незнакомцем.

– Коли так, – влез в разговор наплевавший на тычки и пинки аз-Марик, – то как же твоя зазноба опознала поганца да ещё со слов?

– Не опознала, а предположила, – сразу нашёлся хин-Габа. – И не далее как на следующее утро её догадка нашла подтверждение.

– Неужто? – пробормотал аз-Марик.

– По дороге на службу случилось мне проходить тем же переулком, где я демона повстречал, недалеко от Храма Всех Богов. Впрочем, об этом месте я уже рассказывал в самом начале. Так вот, смотрю – толпа возле дома доходного собралась. Я там потолкался, поспрашивал. Оказалось, один из жильцов с собой покончил. И не простой какой-нибудь обыватель – тысяцкий из войска господина Келлы. Самое интересное здесь вот что: сосед этого тысяцкого, господина но-Тэна, если не ошибаюсь, заявил, будто накануне, около полуночи, явственно слышал голоса в комнате самоубийцы, тогда как привратник, дежуривший в ту ночь, клянётся, что в указанное время к но-Тэну никто не заходил и позже никто от него не выходил.

– Как ты сказал? – оживился но-Рималь. – Но-Тэн? Харай но-Тэн из войска Келлы?

– Да, кажется, так, – подтвердил хин-Габа. – Ты с ним знаком?

– Не то слово! – воскликнул но-Рималь. – Я знал его ещё в пору колониальных войн. Я тогда подвизался помощником у одного маркитанта. Правда, в те времена господин но-Тэн был сотником. Не могу поверить, что он такое сотворил. Кто угодно, только не он.

– Это почему же? – снова встрял аз-Марик.

– Да потому, что в нём было слишком много жизни, – пояснил но-Рималь. – Нет уж, я скорее поверю в Серого странника, чем в то, что Харай но-Тэн руки на себя наложил.

– Друзья! – провозгласил аз-Леф, жаждавший как можно быстрее отделаться от щекотливой темы. – Как бы то ни было, до истины нам не докопаться. Давайте же оставим кривотоллки почтенным кумушкам и выпьем за упокоение господина но-Тэна, да откроются пред ним Врата Эзриата!

Предложение получило всеобщее одобрение. Но тут выяснилось, что кувшины показали дно. Тогда аз-Леф сделал новый заказ, а велеречивый хин-Габа пустился в рассуждения на предмет превосходства намирского вина над камским.

Компания просидела до глубокой ночи. Обсуждали выпивку, налоги и женщин. Ни о демоне, ни о загадочном самоубийстве никто больше не заговаривал.

* * *

С раннего утра в Среброводье разыгрался ветер. Мощные порывы то и дело теребили ставни, запевали в печных трубах, хороводили палые листья, жадными воровскими пальцами срывали всё, что оказывались способными сорвать, и утаскивали прочь. Естественно, добропорядочные горожане носа из дому не казали. И поскольку старый суконщик Гюнас Хольп, как

и остальные жители городка, являлся гасурцем, а следовательно, одновременно здравомыслящим и деятельным человеком, пустой трате времени в бесперспективном ожидании клиентов он предпочёл полезное занятие: приволок из подсобки пудовую бухгалтерскую книгу вкупе с письменными принадлежностями, зажёл немилосердно чадающую, зато дешёвую сальную свечу и углубился в расчёты. Подобно другим рачительным сверх всякой меры, вплоть до мелочности, торговцам Хольп отказывался нанимать помощника, либо брать ученика, оттого приходилось самому и за прилавком стоять, и с поставщиками договариваться, и учёт вести.

За работой время текло стремительно. Только и успевай нагар со свечи снимать! Когда снимать стало нечего, и пламя с шипением потухло, скукоженная сухошавая фигурка старика распрямилась. Ноги в невесомой войлочной обуви зашаркали в сторону подсобки. Хольп долго шебаршился в мрачной каморке, пока не отыскал и не зажёл новую свечу. И тут старика ни с того ни с сего зазнобило.

– Проклятый сквозняк, – посетовал торговец на обратном пути. – Бедные мои старые кости! Не ставни, а решето! Вот кабы Йертер не драл втридорога, давно бы заказал починить.

На этом жалобы закончились, потому как взгляд суконщика наткнулся на первого за день посетителя. Высокий плечистый мужчина лет сорока или около того при виде хозяина резко сорвал с головы шляпу в знак приветствия. На лицо незнакомца тут же свесилась прядь волнистых каштановых волос.

– Добрый вечер, – проямлил Хольп, не в силах оторваться от завораживающих нефритовых глаз посетителя. – Простите, я не услышал стука...

– Его не было, – холодно обронил великан, поправляя причёску. – Я прихожу без стука.

По внешнему виду, манере держаться и чётко выговаривать окончания посетитель походил на столичного франта из категории скоробогатых и оттого донельзя кичливых предпринимателей. Хольпу редко доводилось сталкиваться с подобными выскочками, поэтому он сперва оробел, но вскоре взял себя в руки и натянул маску услужливого продавца.

– Чем могу вам помочь, господин...?

– Незнакомец. Кажется, здесь меня так величают.

Физиономия суконщика стала белее покрытых известью стен лавки. Руки затряслись так, что старик едва не выронил подсвечник.

– Вижу, знаешь, кто я, – усмехнулся посетитель. – Тем лучше. Меньше мороки.

– Чем могу вам помочь? – упрямо повторил Хольп.

– Мне ничем, а вот себе можешь, если повинишься перед заказчиком.

– Да-да, непременно. Хотя уверен, что это досадное недоразумение. Я человек тихий, мухи не обижу. Если только нечаянно, так сказать, по стечению обстоятельств. Но это ничего. Вы, главное, сведите меня с заказчиком, а там уж мы всё утрясём.

– Молодец, Гюнас, быстро смекаешь. Но сегодня играем по моим правилам. Заказчик здесь, со мной, только видеть его тебе не позволено. Угадаешь, кто таков, и сумеешь вымолить прощение – твоя взяла. А нет – извини. Даю тебе время до последней капли.

Незнакомец выудил из-под плаща клепсидру с голубой тягучей жидкостью. Серебряная оправа гулко стукнула о прилавок. При виде лениво, но неотвратимо падающих капель старик пришёл в сильнейшее возбуждение.

– Толстоногий Винх! – выкрикнул Хольп в запале. – Да-да, точно он. Я ему десять бочек вина сплавил, в шести прокисшее было. Утопить меня грозился в этом самом, прокисшем.

– Мимо, – преспокойно сообщил Незнакомец.

– Тогда... Рейла Гунер, слепая вдова? – предположил суконщик. – Порченые ткани ей продавал, с пятнами, пока соседи, будь неладны, не подсказали. Здорово она на меня напустилась! В каталажку хотела упечь. Еле откупился.

– Ещё один промах.

– Неужто Гунблас Яг из-за тухлой свинины?

- Нет.
- Может, лекарь из-за дочери?
- Не угадал.
- Сапожник из-за жены?
- Нет, не сапожник.
- Ну хоть намекни!
- Время истекает.

Хольп в отчаянии принялся колотить себя кулаком по лбу.

– Вспомнил! – вдруг завопил он. – Парень. Кровельщик. По пьяни приятеля зарезал.

Доверился мне, а я сдал его за вознаграждение. Но его же, вроде, повесили...

- И не кровельщик. Всё, время вышло.
- погоди, дай минутку ещё, – взмолился старик.
- Я сказал, – отрезал Незнакомец.
- Не губи-и-и, – по-бабьи заголосил суконщик. – Всё отдам, всё, что ни попросишь!

Тошная фигурка нырнула под прилавок и тут же вынырнула обратно. Рядом с клепсидрой шлёпнулся туго набитый кошель.

- Вот, возьми. Это золото.
- Я демон. К чему мне золото?
- Отдай заказчику.

– Безумец! Вы все смертные безумцы. Если бы знали истинную цену солнечного металла, попрали бы его ногами.

Хольп удивлённо вылупил на Незнакомца, словно гадая, в своём ли тот уме. Вариантов для действия оставалось немного, точнее всего один, которым старик тотчас и воспользовался. В демона полетели первые попавшие под руку отрезки ткани. Пока супостат выпутывался из вороха материи, суконщик шмыгнул в подсобку и оттуда через чёрный ход – на улицу. Благодаря непогоде и густым октябрьским сумеркам любопытных глаз можно было не опасаться, так что Хольп рванул напрямик к тракту. Поначалу старика провожали тускло освещённые, унылые фасады среброводских домов, затем потянулись изгороди, раскромсавшие прилегающие к городу земли на ровные лоскуты пашен и пастбищ, и наконец показались невозделанные поля с купами деревьев. Свернув с большака, Хольп укрылся под высоким тополем с безлистными, поражёнными омелью ветвями. Тут бы беглецу облегчённо вздохнуть, но измождённые лёгкие извергли только хрип, а потная спина вместо гладкого ствола упёрлась в ребристый стеллаж. Пространство сомкнулось, и суконщик вновь очутился в своей лавке.

– Какие же вы, смертные, предсказуемые, – с сожалением заключил Незнакомец. – Сначала посулы, потом бегство. Или наоборот: сначала бегство, потом посулы. Иногда угрозы, если есть иллюзия власти и вседозволенности. Скучно с вами. Очень уж редко попадаются стоящие экземпляры. Намедни посчастливилось мне пообщаться с достойным человеком, но недолго. Судья вынес приговор – смерть. Достойные люди долго не живут.

Старик не то что не понял, а вряд ли даже слышал монолог демона, ибо разум его охватил ужас от осознания неминуемости скорого конца.

– Вижу, ты озабочен лишь собственной судьбой, Гюнас. Обычное дело для твоего племени. Что ж, давай узнаем мнение судьи, твоей совести.

Далее не предвиделось никаких неожиданностей. Заученный до оскомины ритуал: подбрасывание хрустального песка, вызов через магическое зеркало судьи-двойника, просмотр картин из прошлого, выслушивание приговора. Однако вопреки прогнозу на втором этапе случилось нечто из ряда вон: судья не явился на вызов.

– Ну и ну, Гюнас, – поразился демон, – где же твоя совесть? Кто выполнит обязанности судьи?

В словах Незнакомца мелькнул лишь бледный призрак возможности уйти от наказания, а суконщику и этого оказалось достаточно, чтобы прийти в себя, приободриться и попытаться руками и зубами вцепиться в дарованный фортуной шанс.

– Моё какое дело? – огрызнулся старик. – Коли некому судить, отпусти меня подобру-поздорову. Это у вас, духов, досужего времени тьма тьмущая, а у меня забот полон рот.

– Да я бы отпустил, – решил подыграть Хольпу демон. – Думаешь, охота мне с тобой валандаться? Но как потом отчёт заказчику давать?

– Ты, вроде, говорил, что заказчик с тобою вместе пришёл.

– Я всегда так говорю. Для острастки.

– Вон оно как, – улыбнулся старик. – Чего ж тебе от меня надобно?

– Поведай, что там за буча в Высеграде случилась, а я уж лазейку отыщу.

– А, вот из-за чего весь сыр-бор. Так бы сразу и сказал. Пустяковое дело. Яйца выеденного не стоит. Было из-за чего стращать! Ну да ладно, слушай. В Высеград меня занесло за два с половиной года до той заварушки. Славно я там устроился под мягким боком городского головы. И вдовушку весёлую для свиданий приискал. Думал даже осесть там, жениться. Не весь же век перекаати-подем! Но погорел я, причём глупейшим образом. На чернилах. Ах, да! Я, кажется, забыл упомянуть, что поставлял бумагу и чернила для высеградского Совета. Вдвое дешевле конкурентов. А скупал за сущие гроши у контрабандистов. Старые связи. Самым сложным оказалось наладить доставку. Все руки измозолил, покуда тоннель от дома до реки прорыл. Ночами товар на лодках подвозили и на берег стружали, а я уж сам потом через тоннель таскал. Можно было и нанять какого-нибудь битюга из местных, да глухонемых поблизости не нашлось, иному же люду я не доверяю. Тяжко пришлось, но выручка все труды покрывала. Хорошо дело шло, гладко. До тех пор, пока одному умнику из Совета не приспичило в архив сунуться. Тут и обнаружилось, что чернила со временем обращаются в пыль и осыпаются. По счастью, при Совете у меня свой человек имелся, за немалые деньги купленный. Он-то и сообщил мне, что шумиха назревает. Ну я недолго думая вещички собрал, двери запер и в подвальчике затихарился. Решил по темноте уходить. Добраться по тоннелю до реки, а там у меня лодочка была на чёрный день припасена. Ну вот, сижу я, значит, в подвале и вдруг слышу: вопли, колготня. Сунулся на улицу разузнать, что стряслось. Оказалось, узкоглазые напали. Пожгли частокол, в город ворвались. А у нас гарнизону: два десятка лучников да пять десятков копейщиков. Основные силы на восток перебросили, к границе с Камом, где шли бои. Нападения намирцев никто не ожидал. В общем, продержались недолго. На улице-то я наткнулся на соседа с семейством. Ох, и шумные, суетливые людишки! Еле дознался, что Совет повелел всем женщинам, детям, старикам, больным да увечным в Ратуше собираться, а мужчинам, способным оружие держать, вкупе с копейщиками их отход прикрывать. Я сразу сообщил, что советники измыслили. Такой исход меня не устраивал. А ну как чинуши документы важные с собой прихватят! Мне что же потом весь остаток жизни трястись в ожидании, когда злосчастный компромат выплывет? Ну нет, не на того напали. Рисковал я, конечно, здорово, но иначе никак нельзя было. И намирского-то толком не знал, так, пару фраз всего. Нужда заставила – объяснился. Доставили меня к командиру. Толмача сыскали. Тут уж я узкоглазым обстоятельно про мою случайную находку рассказал. То, что от Ратуши к паромной станции ведёт секретный ход, я знал давно. Ещё когда свой тоннель копал, наткнулся на кирпичную кладку, причём вдали от всякого жилья. Даже утлого сараюшки поблизости не наблюдалось. За хорошее вознаграждение мой прикормыш из Ратуши достал подробный план «кротовой норы», как этот ход именовали в Совете. Я заучил его наизусть, благо, память у меня крепкая, и велел вернуть в архив – а ну как хватятся. Собственный тоннель пришлось подправить. Отдалить, так сказать, на почтительное расстояние. Когда же работа была окончена, я вместо того, чтобы выкинуть схему «кротовой норы» из головы, наоборот, стал время от времени представлять её перед глазами: боялся запомнить. Нутром чуял, что рано или поздно пригодится.

И пригодилась-таки! Но, думаете, эти свиньи узкоглазые меня отблагодарили? Как бы не так! Заперли в ближайшем чулане. Двое на страже встали, остальные ушли. Прескверное положение! Хорошо ещё, что сразу не порешили. Но я тоже не лыком шит. И не из таких передрыг выкручивался. Сперва как следует огляделся, и не зря! Чуланчик-то знакомый оказался, Бора Одноглазого чуланчик. Вот уж, думаю, свезло так свезло! У Бора в этом чуланчике тайничок имелся под полом, куда он от жены выпивку прятал. А я в ту пору галатским винцом, тоже контрабандным, из-под полы приторговывал и не раз в отсутствие супружницы вместе с ним бочонки туда закладывал. В общем, схоронился я в подполье, и когда командир узкоглазых, явившийся по мою душу, меня не обнаружил и стал вместе с горе-сторожами прочёсывать двор, я под шумок шмыгнул в дом, оттуда через окно – в соседский огород и после задворками к своему жилищу пробрался. Там уж дело за малым оставалось: схватил вещички и в тоннель. Всё, поминайте как звали!

Торопливый, галопирующий монолог суконщика завершился настолько внезапно, что Незнакомец несколько мгновений молчал, ожидая продолжения. Когда же такового не последовало, демон поклонился.

– Благодарю тебя, Гюнас. Ты отлично выполнил обязанности судьи на первом этапе. Только забыл упомянуть о сожжении Ратуши.

– А моё какое дело? – сердито проворчал суконщик. – Не я же поджигал.

– Хорошо, – примирительно поднял руки демон, – не будем спорить. Сейчас на очереди второй этап.

Нахмуренные брови Хольпа возвестили о том, что старику совсем не понравились слова собеседника.

– Какой ещё второй этап? Ты же обещал отпустить меня!

– Что я и делаю, – отпарировал Незнакомец, – отпускаю тебя в недра твоего внутреннего мира.

Взгляд демона стал гипнотическим, и старик не заметил как очутился по ту сторону магической зеркальной глади.

– Заказ должен быть выполнен, – заявил Незнакомец, – при любых обстоятельствах. Нам нужен судья, и ты один способен отыскать его в лабиринте твоей души. А чтобы ты в дороге не заскучал ненароком, даю тебе стимул: будешь испытывать муки сожжённых по твоей милости высеградцев и при этом не сможешь умереть до тех пор, пока не найдёшь свою совесть.

В тот же миг суконщика со всех сторон охватило пламя.

– Нет! – с безумными от ужаса глазами завопил Хольп. – За что? Не я же поджигал! Не моя вина!

Тощая фигурка заметалась по зазеркалью. Вырывавшиеся из пламени клубы дыма стремительно заволакивали пространство, так что вскоре старик окончательно пропал из виду, и только под потолком ещё долго носился отгул его последнего крика. Хотя, возможно, это были всего-навсего завывания ветра на чердаке.

* * *

В разгар дня Портовое предместье не выглядело ни таинственным, ни зловещим. Обычная бедняцкая окраина, где пустых желудков гораздо больше, чем краюшек хлеба, способных их наполнить.

Бэфэ Литни Симум всё в том же эльфийском плаще, скрывавшем экстравагантную наружность Унат, шествовала знакомым маршрутом. Глазеть по сторонам не хотелось: заказчица торопилась покончить с оставшимися формальностями. И лишь по прибытии на место стала очевидна тщетность её спешки. Из-под капюшона выпорхнул возглас удивления с толикой досады. Увы, таверны с нечитабельной вывеской больше не существовало. Всего за два дня, что прошли со времени достопамятной встречи, здание на Гужевом спуске успело обзавестись новой табличкой. На известняковой плите было выбито три символа, понятных любому

намирцу: кровля, клюка нищего и лекарский колпак. А поскольку Бэфэ Симум достаточно долго прожила в Намире, ей не составило труда расшифровать эту надпись. Странноприимный дом. Далеко не то заведение, где жаждала очутиться Унат.

При внимательном рассмотрении Бэфэ на минуту пригрезилось, будто поверх символов ползучим гадом извивается гнусная ухмылка Замбука. Унат инстинктивно встряхнула головой, чтобы прогнать морок, и двинулась в сторону прибрежных скал.

Под напором бриза эльфийский плащ вздувался и трепетал, отчего застывшая на острие утёса фигура издали напоминала бабочку траурницу. Крики чаек время от времени разбавляли монотонный шелест прибоя. На губах и в душе ощущалось одно: горечь.

– Так, значит, ты не передумала? – внезапно раздался за спиной голос «негоцианта».

– Нет, мой господин, – не оборачиваясь ответила Унат.

– Тебя не удовлетворила работа моего подопечного? – последовал новый вопрос.

– Полностью удовлетво'гила, мой господин.

– Какова же тогда причина?

Унат поднесла руки к груди.

– Здесь... пусто.

– Понимаю, потому и не отговариваю. Надеюсь, ты осознаёшь последствия?

– Да, мой господин.

– Хорошо. В таком случае, до скорой встречи, Бэфэ Симум.

– До ско'гой вст'гечи, мой господин.

Без единого звука, крика или стопа, Унат бросилась вниз. Набежавшая волна бережно слизнула окровавленное тело с рифа и уволокла в мир безмолвия и покоя.

– Скажи-ка, Замбук, – обратился «негоциант» к стоящему рядом и, как всегда, гаденько ухмыляющемуся подручному, – могут ли демоны стареть?

– Не припомню такого, господин Айбук.

– Значит, я первый.

– Не понял вас, господин.

– Устал я, Замбук. От склок и свар, от суеты, от злобы и от безразличия, от гордецов и от смиренных. Ото всего и ото всех. Люди в подобном случае говорят – старость пришла.

Демон Правой Руки не нашёлся, что сказать, и потому молча ожидал следующей реплики господина. Но тот лишь глубоко вздохнул и устался на резвящуюся в отдалении стайку дельфинов. Айбук так и не решился признаться подручному, насколько он, Владыка Бездны, до крайности презирая смертных за неспособность в решающий момент сделать правильный выбор, завидовал этим жалким букашкам за то, что они обладали ценнейшим даром, которого демоны были вероломно лишены.

Львица и воробей.

Тури знает, что такое свобода. Тури ныряет в глубину, туда, где много водорослей и ракушек – много еды. Солёная вода щиплет глаза, но Тури ныряет раз за разом и приносит много еды. Люди племени сыты и довольны. Это и есть свобода.

Тури делает так, как учит Монью. Опускается на семь-восемь локтей. Ниже запрещено. Тури видел кости тех, кто нарушил запрет. Пищу надо собирать быстро, нельзя отвлекаться. В глубине полно зубастых рыб и демонов. От тех, кто медлит, не остаётся даже костей.

Монью мудрый. Он говорит о великом законе: сколько люди взяли у моря, столько же нужно отдать. Давным-давно, когда Тури звался Тука и еле дотягивался до нижних веток масличного дерева, закон перестали соблюдать. Ничего морю не отдавали, только брали. Тогда из бездны поднялось чудовище и проглотило рыбаков. С ними была мать Тури. Потом все боялись подходить к морю. Но Монью сказал: «Возьмите свои украшения и бросьте в воду». Все сделали так, и чудовище уплыло.

Монью мудрый. Он слышит голоса духов.

* * *

Благодарение богам, улов получился обильным. Сквозь щели корзины поблескивала серебряная чешуя, сбоку вялой ботвой свешивались щупальца осьминога. Бодрый мотивчик, насвистываемый Тури, ловко вплетался в трели птиц и шорох лагуны за спиной. Жаркое солнце безжалостно пекло коротко стриженую макушку, сверкало в капельках пота на дочерна загорелой коже, заглядывало в узкие прорези глаз.

На подходе к деревне удачливого рыбака встречал бритоголовый старейшина.

– Запах моря... запах жизни, – провозгласил Монью и тотчас добавил:

– Торопись, скоро начнётся.

Юноша кивнул и с довольной улыбкой затрусил вперёд по тропинке.

На ходу Тури подскакивал от восторга и нетерпения: ему впервые предстояло увидеть Священную Свадьбу. Обряд проводили редко, только при крайней нужде. Монью рассказывал, что он всего однажды наблюдал такой ритуал: в год Красной игуаны, задолго до рождения Тури, когда пробудилась Огненная гора.

Сейчас поводом послужило нашествие людей-из-за-моря. Они скрытно подплывали к острову со скалистой стороны на громадных лодках величиной с дом, пересаживались в лодки поменьше и на них проникали в лагуну. Несчастные, отправившиеся в эту пору на промысел, попадали в плен. Деревня постепенно пустела. Мольбы и подношения богам оставались втуне. И жрец решил, что наступило время прибегнуть к последнему средству. Отдать в жёны Дарующему, богу солнца, лучшую девушку деревни. Наиболее выносливую и годную к замужеству. Пусть она умолит небесного супруга избыть напасть.

У капища в благоговении склонили головы и немощные старики, выползавшие из глинобитных лачужек лишь по особым, исключительным случаям, и дородные матери с непривычно тихими ребятишками, и жилистые, остроглазые девушки, и смуглолицые парни, и самые уважаемые обитатели деревни: мужчины – добытчики, охотники и рыболовы. Тури протиснулся поближе к последним.

При появлении жреца со связками тлеющих сандаловых прутьев в руках толпа зашестела. Ретивый западный ветер тут же разнёс по округе мягкий сладковато-терпкий аромат. Благовония заняли свои места на деревянных подставках перед каменным истуканом, что послужило знаком начала молитвы. Жрец затянул пресное, как маисовая каша, песнопение, толпа послушно повторяла за ним. Под завывания соплеменников на капище вышла Айя, невеста Дарующего. Тури давно восхищали крепкие ноги и зычный голос девушки. Он частенько

грезил о том, как было бы хорошо взять её в жёны, когда наступит пора. Однако ни ревность, ни сожаление его не мучили. Юный ныряльщик понимал: глупо соперничать с божеством.

Продолжая петь, жрец протянул Айе приземистую широкую вазу с грубо выцарапанным орнаментом. Внутри покоилась крупная морская улитка. Тури не раз находил таких на дне. Несмотря на красоту раковин, юноша старался держаться от них подальше. Монью предупреждал: это сильно ядовитые твари.

Девушка опустила пальцы в вазу. Чувствительный укол, и несколько мгновений спустя непреодолимое головокружение. Жёлтые лица соплеменников расплющились и растеклись в стороны, точно жидкое тесто для лепёшек.

По жесту жреца двое высокорослых парней уложили невесту Дарующего в плетёные носилки. Жерди носилок легли на мускулистые плечи. Айю закачало на тростниковом ложе, а миг спустя девушке показалось, что она стала лёгкой, будто пичуга: вот-вот вспорхнёт и умчится в зовущую синеву.

Вскоре процессия во главе со жрецом прибыла на пляж, где под одобрительное гудение деревенских бесчувственное тело невесты перенесли в заранее подготовленную, старательно украшенную орхидеями, камелиями и листьями папоротника пирогу. Теперь лодку предстояло спустить на воду. Подсобить служителю Дарующего вызвались недавние носильщики. Поднатужились – под днищем заскрежетал песок. Ещё чуть-чуть – и посудина заскользила по бирюзовому одеялу лагуны.

* * *

В доме Ратепы принимали гостей. Случалось это редко – высокородный хозяин оказывал подобную честь лишь достойнейшим из достойных, – и оттого Наль и Арсет с раннего утра закружил вихрь суеты и предвкушения.

Сёстры умирали от любопытства увидеть господина Имхатуна, прочимого младшей в женихи. По слухам, этого деятельного молодого человека ожидала завидная карьера. К двадцати двум годам он стал первым помощником своего дяди, наместника Сазума и прочих южных колоний, в обход менее расторопных кузенов.

Вместе с тем интересы сестёр значительно разнились. Наль, страдавшей от грубости и нечуткости мужа, равно как и от скуки, хотелось выяснить, насколько господин Имхатун привлекателен и обходителен с дамами, а пятнадцатилетняя Арсет, полная любознательности и романтичности, жаждала в подробностях разузнать о жизни дикарей. В раннем детстве её завораживали рассказы кормилицы о косоглазых желтокожих островитянах с плавниками вместо рук и жабрами вместо рёбер. Особенно девочке нравилось слушать о привольном житье «рыбных людей» в согласии с простыми и честными правилами. Позже мать объяснила, что здравомыслящему ребёнку из аристократической семьи негоже верить в чистейший вздор, который несёт полуграмотная простолюдинка. С одной стороны, Арсет соглашалась с матерью, но с другой... Ах, как мечтала она хоть ненадолго стать островитянкой, поменять вечно сумрачные комнаты, задрапированные пыльным бархатом, на белый пляж! Дышать горьким морским воздухом, купаться в кишасем золотыми рыбками заливе, носиться разыгравшейся кошкой по берегу, собирать ракушки и мастерить из них ожерелья, не тревожась о том, что кто-то сочтёт её поведение непристойным.

Традиция возбраняла женщинам присутствовать на званом обеде, поэтому насладиться беседой с приглашёнными сановниками сёстры не могли – их время пришло вечером, когда после изысканной многочасовой трапезы, вежливо выпроводив всех, кроме Имхатуна, муж Наль предложил молодому человеку остаться на чай. Столы накрыли в малом зале. Как положено, мужчин и женщин разделяла решётчатая бамбуковая ширма, присутствие которой позволяло вторым появиться перед посторонним в домашнем облачении, без головного платка и вуали.

Стройность, грация и правильные крупные черты лиц сестёр сразу вызвали расположение со стороны возможного жениха. Наль и Арсет, в свою очередь, залюбовались поджарой фигурой молодого вельможи, казавшейся совершенной на фоне тучного, пусть и осанистого, Ратепы.

Разговор, начатый с предписываемых этикетом общих фраз, постепенно свёлся к обсуждению уклада жизни и нравов южных дикарей.

– Не настолько они примитивны, как принято судить в столичном обществе, – возразил на резкое замечание хозяина Имхатун. – Да, их манеры не отличаются утончённостью, быт груб и омерзителен, и вместе с тем они владеют знаниями о всемирном равновесии, о круговороте времени, о движении светил, имеют зачатки письменности. Мой дядя купил у старейшины одного из сазумских племён глиняный диск с необычным рисунком. Когда он похвастался приобретением перед знакомым астрономом, тот был потрясён: рисунок оказался довольно точным лунным календарём. Островитяне, называемые нами дикарями, значительно более сложны, чем мы себе представляем. И порой непредсказуемы. Видимая кротость, податливость уживаются в них со зверской жестокостью. Вероятно, поэтому мифы сазумов крайне своеобразны: поэтичность и возвышенность свободно и часто неожиданно сочетаются с приземлённостью.

Арсет нарочито громко хмыкнула.

– Вы со мной не согласны, юная госпожа? – шутливо осведомился Имхатун.

– Не то, чтобы... – смущённо замаялась девушка. – Меня заботит иное. Я считаю, что дикари счастливее нас, ведь они живут по законам природы. Почему же мы должны следовать законам, написанным людьми, даже если они несправедливы?

Ратеп и Наль одновременно изменились в лице. Хозяин сердито нахмурился, его жена округлила глаза от ужаса.

– Серьёзный вопрос, подобающий морщинистому старцу, а не миловидной девушке, – улыбнулся молодой вельможа.

– И уж точно не дружеской вечерней беседе, – поддержала Наль. – Не лучше ли предоставить господину Имхатуну поведать нам о перипетиях его недавнего морского путешествия?

– О, я с удовольствием, – ответил гость и, прежде чем приступить к рассказу, повернувшись к Ратепу, шепнул:

– Дерзкая девчонка.

– Верно, далеко ей до моей овечки, – вполголоса заметил хозяин, – но ведь недаром говорят: чем норовистее кобыла, тем приятнее её обуздывать.

Мужчины приглушённо засмеялись.

* * *

Черепашковидный гребень скользил по волосам Арсет, словно лодка по морю. Широко расставленные зубцы плавно взрезали волну за волной. Пока служанка причёсывала и передевала девушку ко сну, Наль, полулёжа на тахте, сосредоточенно наблюдала за покачиваниями пламени масляной лампы. Как только приготовления закончились, и рабыня покинула комнату, старшая сестра грозно взглянула на младшую.

– Я всё понимаю, – упреждающе подняла руку Арсет.

– Тогда зачем? – Наль чуть не задыхалась от возмущения.

– Тот чужеземец, он так смотрел на меня...

– О чём ты?

– Две недели назад мы возвращались домой от госпожи Нетеш. Когда я садилась в экипаж, почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Обернулась и увидела незнакомца, инородца. В его взоре я прочла восхищение и уважение. А ещё теплоту. Это поразительно! Скажи, отчего наши мужчины не способны одарить нас ничем иным, кроме пренебрежения и колкостей?

– Фантазии хороши в детстве, Арсет, но рано или поздно с ними приходится прощаться. Надеюсь, ты осознаешь, что...

– Наш отец погиб в далёком плавании, а состояние за неимением более близких родственников мужского пола передано твоему мужу. И теперь мы сделали собственностью тирана. И хуже того, сластолюбца.

– Бедная наивная девочка, – снисходительно улыбнулась Наль, – можешь ли ты представить, насколько я признательна Ратепу?

– За то, что он обходит спальню супруги стороной, однако не упускает случая провести юношей, известных своими противоестественными склонностями?

– Именно. В отличие от мужей моих подруг, Ратеп не плодит бастардов, и я спокойна, что всё имущество перейдёт к моему сыну, а дочь получит богатое приданое. И довольно об этом! Вернёмся к твоему поведению. Ты грубейше нарушила этикет в присутствии высокого гостя: перебила его, прямо высказала своё мнение, затронула щекотливую тему. По воле Ратепа, нашего кормильца и господина, в качестве наказания тебе надлежит отправиться завтра в Храм Добродетели. Там ты проведёшь одну луну за чтением «Трактата о смирении» вепсаренского отшельника.

– Но ведь...

– И не забудь перед отъездом поблагодарить моего супруга за оказанное снисхождение.

* * *

Бахрома занавески едва шевелилась от лёгкого дыхания. Сквозь прихотливый узор панджары Арсет наблюдала за новым рабом, как наблюдают за экзотическим животным, равно с интересом и опаской.

Утром с рынка на телегах доставили муку и специи для предстоящего приёма. Невольники таскали мешки и корзины со двора на кухню. Все они молчали, кроме одного. Того, за кем следила девушка. Молодой сазум, несмотря на тяжёлую ношу, напевал весёлую ритмичную песню на своём языке. Остальные нет-нет да улыбались.

Улыбнулась и Арсет, неосторожно высунувшись из-за укрытия, чтобы лучше рассмотреть жизнеюба. Наль заметила сестру и жестом позвала спуститься во двор.

– Подарок Имхатуна, – указала на нового раба жена Ратепа. – Вопреки твоей непочтительности ты ему приглянулась. Супруг велел отдать дикаря тебе, но у нас столько дел сегодня: рабочих рук не хватает! Не сердись, пожалуйста. Ещё пару мешков отнесёт, и можешь забирать и распоряжаться, как тебе нравится.

– Я не сержусь, – ответила Арсет. – Подожду здесь, если не возражаешь.

Наль бросила на девушку обеспокоенный взгляд.

– Мой зонтик мал для двоих, а солнце сегодня очень яркое. Почему бы тебе не посидеть на террасе?

– Ладно, только не забудь прислать ко мне сазума.

– Хорошо.

Южанин появился перед Арсет через четверть часа. Он по-прежнему казался беззаботно радостным, хоть и чуточку усталым. Помимо этого девушку озадачила его манера держаться независимо, на равных. Обычно в присутствии хозяев на лицах рабов отражалось либо трепетное подобострастие, либо напускное безразличие. За тем и другим зачастую пряталась жгучая ненависть.

От обилия вспыхнувших в голове вопросов Арсет растерялась. Вместо добродушного приветствия с губ угловато слетело:

– Как твоё имя?

Юноша ткнул пальцем в стайку воробьёв, которые самозабвенно лакомились просыпанным кем-то просом.

– Энки.

– Это на камском. А на твоём родном наречии?

– Тури. Однако на твой земля мне такой прозываться нельзя. Твои боги будет думать, я есть чужак, посылать большой беда на мой голова. Я есть Энки, кто есть ты?

– Арсет.

– Ай-ай! – притворно ужаснулся сазум. – Львица будет глотать воробей!

Заливистый смех девушки спугнул чутких птиц. Стайка с тревожным чириканьем упорхнула прочь.

– Нет, если пообещаешь меня слушаться, – заверила дикаря Арсет, а потом уже серьёзно добавила:

– Я шучу. С моей стороны было бы подло обращаться с тобой подобным образом. Тебя и так лишили слишком многого: родины, свободы...

– Энки иметь свобода. Хороший еда кушать давать, славный комната с хороший кровать, сладко-сладко спать.

– Ты, наверное, не совсем понял меня, – задумчиво произнесла Арсет, – я подразумевала, что тебя принуждают работать, и что ты вдали от твоего острова, где ты мог делать, что захочется.

– На остров Энки хотеть кушать. И деревня люди хотеть кушать. Долго-долго надо плавать, нырять, пищу добывать. Ракушки есть, рыба есть – Энки шибко нравится. Несёт в деревня улов. Люди довольны.

– Значит, тебе нравилось плавать и нырять? И добывать пищу для одноплеменников? Это так великодушно!

Громкий топот за спиной заставил Арсет вздрогнуть и резко обернуться. На террасу ввалился Ратеп. Сзади семенила Наль.

– Вижу, ты оценила подарок Имхатуна, – обратился хозяин дома к девушке. – Он человек щедрый. Заполучить такого жениха – крупная удача.

– Он мне пока не жених, – раздражённо отозвалась Арсет.

– Снова недовольство! – возмутился Ратеп. – Правильно говорил покойный дворцовый повар: угодить монарху – великое искусство, угодить женщине – приятная, но несбыточная мечта. Два дня, разве это срок? Потерпишь.

Газовая занавеска отлетела в сторону, и хозяин с ворчанием, напоминавшим отдалённые раскаты грома, скрылся в полумраке столовой.

Будь её воля, Наль превратилась бы в серую ящерку и ринулась вслед за мужем – попробуй поймать! Но в действительности получилось иначе. Пальцы Арсет железным капканом сжали запястье жены Ратепа.

– Наль? – в один короткий взглас вместились и упрёк, и обида, и злость.

– Я хотела, честно, хотела тебе сказать, но не успела.

– Из Храма я вернулась вчера вечером.

– Такие вещи в лоб не говорят, сначала нужно подготовить почву...

– Поздно, сестрица. Рассказывай начистоту.

– Это сложная история. Как-то одновременно всё навалилось. Но мы с мужем заботились лишь о твоём благе. Когда ты была в Храме, Имхатун явился просить твоей руки. Настаивал на скором ответе: хотел, чтобы помолвка состоялась до его отъезда в Сазум. Уехать он должен, если считать от сегодняшнего дня, через неделю. Муж обещал как можно скорее тебя оповестить, а после сообщить Имхатуну твоё решение. Но на следующее утро вдруг нагрянул к нам Пагор. Тот самый одышливый и вечно потный старик, торговец коврами. И тоже свататься. Дескать, траур по усопшей супруге закончился, и настала пора приискать себе новую жену. И чего он только не вытворял! Ужом перед нами вился, щедрыми обещаниями сыпал, медоточивыми речами задабривал. И что же Ратеп? Стоял скалой. Хотя о баснословном богатстве Пагора на всех углах судачат. Как и о его связях с некоторыми сенаторами. По слухам, старик снабжает их дурманными травами, которые тайными путями доставляются из Галатии. Однако

Ратеп не соблазнился. Он всегда считал позором союзы аристократов с простолюдинами. Грязную кровь никаким богатством не отмыть – так он сказал мне потом наедине. И всё же, памятуя о пресловутых связях Пагора, следовало придумать вескую причину для отказа. Пришлось уверить торговца, что Имхатун его опередил, и согласие от тебя уже получено. Старик покряхтел, посетовал, но вынужден был отступить. А Ратеп, чтобы скрыть обман, торопливо написал Имхатуну, будто лично навестил тебя в Храме, и ты дала положительный ответ.

Наль заискивающе посмотрела на сестру. Та угрюмо следила за безыскусной игрой Энки с залетевшей на террасу мухой. Южанин то ловил, то отпускал глупое насекомое.

– Вы помыкаете мной, используете в угоду вашим интересам, – с отчаянной отрешённостью проговорила Арсет.

– Для твоего же блага! – парировала жена Ратепа. – Удивительно! Неужели тебе не нравится Имхатун? Ведь он красив и молод!

– Как он может мне нравиться, если я его совсем... совсем не знаю?

Оттолкнув сестру, Арсет с рыданиями бросилась в проход. Резкий порыв ветра коконом обернул занавеску вокруг трепещущего тела. Острые ногти девушки впились в тонкую ткань. Послышался треск, и Арсет влетела в столовую. Невольник поспешил за госпожой. Шлёпанье босых ступней дикаря по мозаичному полу заставило Наль скорчиться от омерзения.

* * *

С началом лета городская знать потянулась на виллы. Не стала исключением и семья Ратепа. Караван из господского экипажа и повозок с поклажей и рабами за два дня добрался до побережья. Здесь для хозяек наступила вольготная жизнь. Срочные дела, связанные с планами по избранию в Сенат, позволяли Ратепу приезжать на виллу не чаще, чем пару раз в месяц, когда с ночёвкой, а когда и без. От любопытства соседей спасали гектары садов, пастбищ и пашен.

Досужие часы Наль с матерью проводили в увитой диким виноградом беседке посреди изысканного парка с розами, кипарисами, гравийными дорожками и мраморными фонтанами. Женщины попивали шербет и наслаждались беседами о скудоумии, скаредности и других пороках столичных знакомых. В это время Арсет либо играла с племянниками под не слишком бдительными присмотром четырёх нянь, либо вместе с Энки каталась на парусной лодке по лиману. Девушка обучала сазума камским песням. Если невольник путал или коверкал слова, она раздражалась громким смехом. Как ни странно, Энки не обижался, даже смеялся наравне с ней. За переливчатый звонкий голос Арсет получила от южанина прозвище Ньюма, что на его языке означало «райская птица». По мнению дикаря, в этом случае гнева богов можно было не опасаться, поскольку речь шла о прозвище, а не о настоящем имени.

Тем не менее, веселилась девушка не всегда. Порой накатывала на неё романтическая задумчивость. Тогда она признавалась Энки: «Только в море я чувствую себя поистине свободной».

Как-то на очередной водной прогулке Арсет обратилась к сазуму с вопросом:

– Ты скучаешь по дому, Энки?

– Что такое «скучаешь», Ньюма? – не понял южанин.

– Ну, наверное, тебе хочется вернуться в твою деревню, повидаться с родными?

– Энки желать говорить с Монью, шибко-шибко умён.

– Я бы тоже всё на свете отдала, лишь бы попасть на твой остров, жить среди простых, искренних людей, не умеющих притворяться, думать одно, а говорить другое. В Каме все сплошь ханжи и лицемеры. Самое распространённое блюдо камской кухни – ложь. На завтрак, обед и ужин – ложь, ложь, ложь. Запечённая и жареная, варёная и пропаренная, взбитая и тушёная, под любым соусом, на любой вкус. Вот бы сбежать отсюда! Взять и уплыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.